

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ГОРОДСКАЯ ЗНАТЬ В ГОСУДАРСТВЕ ХУЛАГУИДОВ

(К истории внутреннего строя городов Ирана и сопредельных стран в эпоху монгольского владычества)

Внутренний строй средневекового передне-азиатского и средне-азиатского города доныне остается одной из темных, малоисследованных проблем востоковедной историографии. Огромная научная литература, посвященная проблеме возникновения и развития западно-европейского города в средние века, вызвала лишь слабый отклик в области изучения города мусульманского средневековья. Причины такого явления многообразны. Социально-экономическая история восточного средневековья вообще изучена слабо. В распоряжении историка Передней и Средней Азии нет таких источников, как городские архивы и цеховые уставы; дошедшие до нас „рисала“ — цеховые предания Средней Азии — жоздного происхождения. Данные исторических и географических источников все еще мало разработаны; к тому же эти данные довольно односторонни — очень обильны в отношении одних сторон городской жизни и очень скудны в отношении других сторон. Агиографические источники — жития суфийско-дервишеских святых, дающие драгоценный материал о социальных отношениях и быте городской жизни, изучены еще слабее. Данные археологических исследований и эпиграфические материалы также недостаточно привлекались и использовались историками.

Правда, нельзя сказать, чтобы в области рассматриваемой проблемы совсем ничего не было сделано. Акад. В. В. Бартольд, постоянно проявлявший исключительный интерес к социально-экономической истории, пришел к важному выводу о том, что перемещение центра городской жизни из старинного города (шахристан) в торгово-ремесленные предместья (рабад) в городах Передней и Средней Азии в X—XI вв. знаменовало новый этап в развитии городской жизни.¹ На основе этого тезиса чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский выступил со стройной теорией образования рабада, как города феодальной эпохи, сменившего в эту эпоху дофеодальный город — шахристан.²

Вопросы внутреннего строя средневекового города трактовались в некоторых новейших работах советских востоковедов; отметим здесь

¹ См.: В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1928, стр. 28.

² А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, 1933, стр. 49, сл. Подробнее этот тезис развит А. Ю. Якубовским в его неопубликованной пока монографии „История Узбекистана в VII—XV вв.“ Ссылаемся на нее с любезного разрешения автора.

соответствующие разделы в монографии акад. В. А. Гордлевского о малоазиатских сельджукидах¹ и в сжатом, но весьма содержательном и в значительной степени непосредственно основанном на первоисточниках, оригинальном курсе лекций, читанном в Московском Гос. университете, проф. Б. Н. Заходера.² Имеется также ряд работ — русских и западно-европейских — по истории отдельных городов Передней и Средней Азии, монографии В. А. Жуковского по истории Мерва³ и акад. Н. Я. Марра по истории Ани, одной из столиц Армении,⁴ акад. А. А. Манандяна о городах средневековой Армении,⁵ ряд работ А. Ю. Якубовского о городах Средней Азии⁶ и проф. М. Е. Массона о Термезе и других городах Ср. Азии,⁷ работы В. А. Шишкина о городах Средней Азии,⁸ статьи акад. В. В. Бартольда по истории Бухары, Дербенда и других городов,⁹ труды Huart и G. Le Strange по истории Багдада,¹⁰ вышедшие недавно статьи В. Ф. Минорского по истории Тебриза¹¹ и других городов.

В перечисленных работах интересующие нас вопросы рассматриваются в общих чертах. В работах, посвященных отдельным городам, трактуются преимущественно вопросы археологического и топографического изучения городов, политической истории, культурной жизни, и меньше всего вопросы внутреннего их строя. Во всяком случае изучение проблемы внутреннего строя городов пока только начинается. Наиболее важным и прочным выводом, повидимому, следует считать пока вывод В. В. Бартольда — А. Ю. Якубовского, что переход городской жизни из шахристана в рабад между IX и XI вв. означал замену дофеодального города городом феодальным, на основе частичного отделения ремесла от сельского хозяйства и роста товарно-денежного хозяйства в эту эпоху. Вопросы периодизации истории городов, социального состава их населения, вопросы специфики их строя, существования цехов, организация торговли, социальных отношений и форм социальной борьбы остаются неразработанными.

Мы не имеем здесь в виду предложить обобщающую работу. Мы желали бы лишь рассмотреть в данной статье частный вопрос, связанный с рассматриваемой проблемой — вопрос о социальном облике и составе городской знати в предмонгольскую и монгольскую эпоху.¹²

Предварительно остановимся на общих условиях развития городов Ирана и сопредельных стран в данную эпоху.

¹ В. А. Гордлевский. Государство сельджукидов в Малой Азии. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 114—129.

² Б. Н. Заходер. История восточного средневековья (халифат и Ближний Восток). Изд. МГУ, 1944, стр. 77, сл.; его же. Хорасан и образование государства сельджуков. „Вопросы истории“, 1945, № 5—6, стр. 123, сл.

³ В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. СПб., 1884.

⁴ Н. Я. Марр. АНИ, М.—Л., 1934; Ереван, 1940.

⁵ Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении. Ереван. 1930.

⁶ А. Ю. Якубовский. Городище Миздахкан. Зап. колл. востоковедов, т. V, Л., 1930; его же. Развалины Сыгнака. Сообщ. ГАИМК, т. II, 1929; его же. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 2, Л., 1931; его же. К истории археологического изучения Самарканда, Л.; его же. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933; его же. Сарай Берке.

⁷ М. Е. Массон. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1937 гг. Ташкент, 1938.

⁸ В. А. Шишкин. Города Узбекистана. Ташкент, 1941.

⁹ „Энциклопедия Ислама“ (франц., нем. и англ. изд.).

¹⁰ Cl. Huart. Histoire de Bagdad. Paris, 1901; G. Le Strange. Bagdad during the Abbasid Caliphate. Oxford, 1900.

¹¹ „Энциклопедия ислама“, passim.

¹² В советской литературе проф. Б. Н. Заходер в своей статье „Хорасан и образование государства сельджуков“ („Вопросы истории“, № 5—6 за 1945 г., стр. 130—131) рассматривает вопрос об аналогичной группе в X—XI вв. — „патрициате“ в Хорасане.

Вопрос о разных хозяйственных типах средневековых городов, вызвавший столько споров в историографии западно-европейских городов, совсем не разработан относительно городов средневекового мусульманского Востока, в частности Ирана. Заметим лишь, что в Иране было много небольших и средних торгово-ремесленных городов, обслуживавших только более или менее ограниченный местный рынок. В „Истории Систана“, доведенной до начала XIV в., отмечается та особенность городов области Систан, что они не нуждались в продукции других городов; здесь можно было найти цветные ткани, дорогие одежды и „все, что нужно князьям и благородным людям“, ¹ так же, как и круглый год свежие плоды, зелень, откормленных на молоке ягнят и свежую рыбу.²

Другие города были центрами ремесленной промышленности, работавшими на международный рынок, как Йезд — центр шелкоткацкой промышленности ³ или Казерун (в Фарсе) — центр льноткацкой промышленности.⁴

Были города, обязанные своим процветанием тем, что они были резиденциями монгольских ханов: Марага, Уджан, Султания, Алатаг и др. По словам Хамдуллаха Казвини, в Султании, когда там находилась ханская ставка (орду), доход от тамги (подать с ремесла и торговли) возрастал с 200 до 300 тысяч динаров. Население Султании состояло из выходцев из разных областей, говоривших на разных языках, последователей разных религиозных толков.⁵ Выполнение заказов двора и торговля с близлежащими летними кочевьями (яйлаг) монголов давали сборному пестрому торговому и ремесленному населению Султании заработок и доход. Марагу ибн-Баттута называет „малым Дамаском“.⁶

Особый тип городов составляли города, лежавшие на узлах больших караванных путей, служившие складочными местами, перегрузочными пунктами и биржами для вывозной и транзитной торговли: Тебриз, Хамадан, Исфахан, Шираз, Нишапур, Тус, Херат, Бухара, Самарканд, Ургенч.

Ормуз (Хормоз), лежавший на голом островке, в XIV в. процветал исключительно благодаря транзиту китайских и индийских товаров в Иран и другие страны.

Не приходится сомневаться в том, что города последнего типа своей площадью, количеством населения и размерами хозяйственных операций намного превышали самые крупные города Западной Европы позднего средневековья (Венеция, Милан, Флоренция, Париж). Заслуживают известного внимания приводимые в источниках цифры населения таких городов — гигантов мусульманского Востока предмонгольского и монгольского периодов.

Как бы ни были различны типы городов и условия их развития в рассматриваемую эпоху, в одном отношении, повидимому, они были

¹ Тарих-и Систан, изд. перс. текста проф. Бахара, Тегран, 1314 г. хиджры солнечной, стр. 12: آنچه ملوک را و اهل مروت را باید همه اندر آن شهر یافته شود که بجای دیگر حاجت نیاید.

² Там же; ср. И с т а х р и. Bibliotheca geographorum arabicorum (B. G. A.). Изд. de Goeje, т. I, стр. 287.

³ Тарих-и Хафиз-и Абру, рукопись Института восточных рукописей АН УзССР (в Ташкенте), № 5361, л. 1036. Эта рукопись является списком географического труда Хафиз-и Абру, не полностью (данн Хорасан, Систан, Керман, Фарс, Хузистан, Ирак арабский, Малая Азия, Сирия, Египет).

⁴ Подробное описание см. там же, л. 108-а.

⁵ Нухат ал-кулуб, изд. перс. текста Gibb memorial series (G. M. S.), стр. 55—56. Ср. также Histoire de Mar Jabalaha III, patriarche des Nestorians..., traduite du syriaque et annotée par J. V. Chabot, Paris, 1895, стр. 149—150.

⁶ И б н - Б а т т у т а. Путешествия. Изд. Défremery et Sanguinetti, арабск. текст франц. пер., т. I, стр. 171.

похожи друг на друга. Все они рисуются нам социально раздробленными, лишенными общих связей, того строя, какой характеризует западно-европейский свободный город-коммуна позднего средневековья и севернорусскую городскую республику XII—XV вв., (Новгород, Псков, Вятку). Нет достаточно прочных связей между шахристаном и рабадами, между различными кварталами, отделенными друг от друга стенами.¹

В изучаемом нами городе нет общегородского самоуправления; оно существует только в рамках отдельных социальных групп, торговых, ремесленных и духовных корпораций и кварталов. В городе власть ханского наместника (шихна или даруга) переплетается с властью местного владетельного феодала (мелик) и с сильным влиянием отдельных представителей местной знати и духовенства, особенно дервишеских шейхов.

Дабы составить себе представление о городской знати, прежде всего остановимся на двух подробных описаниях знатных фамилий двух городов Ирана предмонгольского и монгольского времени. Имеем в виду: 1) данные „Тарих-и Бейхак“ — истории округа Бейхак (в зап. Хорасане) и его центра, города Себзевара, написанной представителем местной знати Абу-л-Хасаном Али Фундуком² и оконченной им 4 шавваля 563 г. х. (12 июля 1168 г.), т. е. примерно за 50 лет до монгольского нашествия;³ 2) описание знатных фамилий города Казвина, составленное уроженцем этого города Хамдуллахом Казвини в его историческом труде⁴ около 1330 г.

Данные обоих этих источников говорят прежде всего о древности знатных фамилий и большой устойчивости состава городской знати. В „Тарих-и Бейхак“ перечислена 41 знатная фамилия.⁵ Из них 24 фамилии были арабского происхождения, а в их числе 14 фамилий были сейиды — Алиды, потомки шиитских имамов (Хусейна, Зейн ал абидина и др.), и 10 фамилий — потомки арабских завоевателей Ирана, а среди них 1 фамилия Мухиммиев вела род от третьего халифа Османа и 5 фамилий от товарищей (асхабов) пророка Мухаммеда (из последних происходила и фамилия Фундукиев, предков автора „Тарих-и Бейхак“).⁶ Затем 12 фамилий были иранского происхождения, из них 3 фамилии — потомки старинных дехканов доисламского времени,⁷ остальные — потомки везиров и сановников, вышедших в люди и разбогатевших на службе династий Саманидов и Буидов, все не позднее X в. н. э., и только одна „древняя фамилия“ Баззазиев — из потомков купцов и шейхов;⁸ как показывает фамильное имя, предок — эпоним фамилии был торговцем сукнами;⁹ далее следовали 4 фамилии невыясненного происхождения,

¹ См., например, описание Техрана у Якута, изд. Вюстенфельда, Jaqut's geographisches Wörterbuch, арабский текст, т. III, стр. 564.

² Абу-л-Хасан 'Али Фундук, Тарих-и Бейхак, рукопись Института вост. рукописей АН УССР, № 1524. (перс.).

³ W. Barthold, Baihaki Abu-l-Hasan, Encyclopédie de l'Islam, т. I, стр. 615—616.

⁴ Хамдуллах Казвини, Тарих-и гозидэ, изд. G. M. S., перс. текст, стр. 842—849, сокращенный английский перевод, стр. 233—236. Автор подчеркивает, что он приводит не полный, а сокращенный перечень знатных фамилий своего родного города.

⁵ Тарих-и Бейхак, цит. рукоп., лл. 28а—30б, 34б—68б.

⁶ Там же, лл. 49а—52б.

⁷ А среди них фамилия, из которой происходил Низам ал-мульк, знаменитый политический деятель XI в., автор „Сийасет-наме“ (‘Книга об управлении’), см. Тарих-и Бейхак, цит. рукоп., лл. 34б—39б.

⁸ Там же, л. 64б: *چتران بیان... و ایشان از اواسط مشایخ و تجار بوده اند خاندان قدیم*

⁹ „Баззаз“ — *بزاز* — арабск. „торговец сукнами“.

не то арабского, не то иранского, и только 1 фамилия тюркского происхождения.¹

Эти фамилии были одновременно жителями города Себзеvara и землевладельцами округа Бейхак. Абу-л-Хасан Мухаммед из иранской фамилии Мустауфиев (Мустауфийан)² на собственные средства устроил большую часть благотворительных учреждений и вакфов соборной мечети в Себзеvаре и построил там разные здания.³ Фамилия Микалиев (Микалийан),⁴ землевладельцев в округах Бейхак и Нишапур, вела свой род от местного до-мусульманского владетеля Микал-шаха, потомка сасанидского царя Фируза (459—484 гг. н. э.).⁵ Предок автора „Тарих-и Бейхак“, Абу Сулейман Фундук, в начале XI в. купил поместье⁶ в селении Серместан в окрестностях города Себзеvара.⁷ Бейхакии (Бейхакийан), служилая фамилия иранского происхождения, родственники по женской линии знаменитого историка и богослова Мухаммеда ибн-Джерира ат-Табари (ум. в 923 г. н. э.) и по женской же линии родственники автора „Тарих-и Бейхак“,⁸ владели на правах милька (т. е. безусловного наследственного владения) большей частью района Руб’и Земич, одного из 12 районов (руб’) округа Бейхак.⁹ Один из членов иранской фамилии Аулад-и Камэ¹⁰ в 353 г. х. (964 г. н. э.) получил даже на время от саманидского наместника Абу-л-Хасана Мухаммеда Симджури¹¹ на правах икта’ (бенефиция) весь округ Бейхак, а после отдельные члены этой фамилии владели на правах икта’ землями в округах Семнан и Семенг (Семенган?) и многими поместьями (амлак) в районе (руб’) Хосровджерд округа Бейхак.¹² Фамилия Дариев (Дарийан) происходила от старинных землевладельцев-дехканов округа Бейхак.¹³ Старинная фамилия Анбариев обзавелась большими поместьями и недвижимыми имуществами в округе Бейхак.¹⁴

Эти знатные фамилии из поколения в поколение были гражданскими чиновниками и духовными лицами в городе Себзеvаре и его округе Бейхак, как и в других округах. Мустауфии, как показывает их фамильное имя,¹⁵ были наследственными начальниками дивана финансов округа Бейхак. Анбарии были дебирами и другими гражданскими чиновниками округа, при династии Махмудиев (т. е. Газневидов, в первой половине XI в.) получили жалованные грамоты и почетные звания.¹⁶ Фундукии со времен султана Махмуда Газневи (998—1030) были казиями в Ниша-

¹ Тарих-и Бейхак, цит. рукоп., лл. 63а—63б — خاندان اولاد اتهاک.

² Там же, лл. 59а—59б.

³ Там же: و اکثر عمارت و اوقاف مسجد جامع قصبه ساندژ وار او ساخت از خاص مال خویش و در قصبه سرايها ساخت

⁴ Там же, лл. 58б—59а.

⁵ Среди предков этой фамилии один носил имя Дивасты — имя, получившее известность благодаря открытию согдийских документов на горе Муг (владелец Пенджекента в Согде — Дивастич, в начале VIII в.). — О судьбах другой (нишапурской) ветви этой фамилии в X—XI вв. см.: Б. Н. Заходера. Хорасан и образование государства сельджуков, стр. 126—127.

⁶ Там же, л. 49а: ضیاعی خرید

⁷ Там же, лл. 52б—55б.

⁸ Там же, лл. 52б—55б.

⁹ Там же, л. 53б: ربع زمیچ بیشتتر ملک ایشان بوده است

¹⁰ Там же, лл. 66а—67б.

¹¹ О фамилии Симджуридов см.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 237, 249, 258, сл.

¹² Тарих-и Бейхак, цит. рукоп., л. 66б.

¹³ Там же, лл. 58а—58б.

¹⁴ Там же, л. 61б: خاندان قدیم... د بیهق ضیاع و اسباب بسیار ساختند

¹⁵ Мустауфи (арабск.) — казначей, глава ведомства финансов.

¹⁶ Тарих-и Бейхак, цит. рукоп., лл. 59б—61б.

пуре, Бистаме, Дамгане и других местах.¹ Члены фамилии Аулад-и Каме были сановниками династий Буидов и Саманидов.² Члены фамилии Зийадиев (Зийадиан), иранского происхождения, были эмирами, улемами, вельможами (акабир) и дехканами.³ Гражданскими чиновниками были и члены фамилии Хатимиев (Хатимийан), происходившей из клиентов пророка Мухаммеда. Из этой фамилии Ходжа Абу-л-касим ибн-Хатим при султани Махмуде Газневи был мушрифом (контролером), а одно время был сахиб-беридом (начальником почтового ведомства) всего государства.⁴ Члены фамилии Аулад-и Аби-На'им, потомки знатока хадисов Абу На'има Абдуллаха ал-Исфераини, были шейхами и ра'исами.⁵ Члены фамилии Дилькандиев, потомки законоведа Мухаммеда ибн-Али ад-Дильканди, были факихами и обладателями ваффа Абу-л-Аббаса.⁶ Из фамилии Салариев (Саларийан), потомков Абу-л-Аббаса ал-Хасана ибн-Ахмеда ал-Муту'и, который в борьбе с византийцами был начальником добровольцев, „борцов за веру“ (салар-и газийан) и пал в битве при Муту'а близ Тарса, выходили хафизы, ходжи и ученые (богословы).⁷ Члены фамилии Бейхакиев (Бейхакийан), персидского происхождения, были вельможами и учеными (богословами);⁸ один из них, Абу-Абдуллах Мухаммед ибн-Яхья, был сахиб-диваном (начальником административного управления области Хорасан) в Нишапуре, а сын его Фазль ибн-Мухаммед — везиром Хорасана при Саманидах, в X в.⁹ Благодаря родству по женской линии с влиятельной фамилией Микалиев, потомков местных до-мусульманских владетелей, земли Бейхакиев в районе Руб'-и Земич были освобождены от взимания хараджа.¹⁰ Один из членов фамилии 'Азизиев ('Азизийан), происходивший из 'Алидов (потомков четвертого халифа и первого имама 'Али), был везиром саманидского государя Нуха III (976—997).¹¹ Многие из фамилий 'Уммидиев ('Уммидийан) были видными гражданскими сановниками Хорасана.¹²

Все эти фамилии роднились друг с другом и удерживали руководящее положение в городе Себзеваре и его округе еще во второй половине XII в. В 1220 г. в округе Бейхак монгольскими завоевателями была произведена „всеобщая резня“ (катл-и 'амм), причем погибло около 70 тысяч жителей.¹³ Однако здесь, как и в других местностях Ирана, где происходили подобные же события,¹⁴ по крайней мере некоторые из знатных фамилий уцелели и пережили монгольское нашествие. Что это так, можно судить по тому, что в „Тарих-и Бейхак“ упомянута та фамилия сейидов Баштиниев (Баштинийан),¹⁵ потомков по мужской линии имамов 'Али, Хусейна и Зейн-ал-'Абидина, а по женской линии — везира иранца Яхьи Бармекида, из которой позднее, во время распада монгольского государства Хулагуидов, вышли первые предводители анти-монгольского движения сербедаров — братья 'Абдурреззак и Веджихеддин

¹ Там же, лл. 49а — 52б.

² Там же, лл. 66а — 67б.

³ Там же, лл. 64б — 66а.

⁴ Там же, лл. 61б — 62а.

⁵ Там же, лл. 56а — 57а.

⁶ Там же, лл. 64а — 64б.

⁷ Там же, лл. 62а — 62б.

⁸ Там же, л. 52б: *چما عتی از بزرگان و افا ضل بوده اند*.

⁹ Там же, лл. 52б — 55б.

¹⁰ Там же, л. 53б.

¹¹ Там же, л. 59б.

¹² Там же, лл. 68а — 68б.

¹³ Аладдин Ата Мелик-и Джувейни, *Тарих-и джехан гушай*, изд. Gibb memorial series (G. M. S.), перс. текст, т. I, стр. 118.

¹⁴ См. ниже о Казвине.

¹⁵ *Тарих-и Бейхак*, цит. рукоп., л. 33а.

Мас'уд Баштини (1336—1343). Фамилия эта при Абу-Са'иде Бахадур-хане оставалась служилой фамилией. Насколько фамилия Баштаниев была богата и при монгольском владычестве, видно из того, что юноша 'Абдуррезак, растративший 100 тыс. динаров казенных денег, думал покрыть растрату путем продажи имений (амлак) из своей доли отцовского наследства (а у отца его было 5 сыновей).¹

Данные Хамдуллаха Мустауфи Казвинского о знатных фамилиях его родного города Казвина относятся к концу эпохи монгольского владычества. Анализ этих данных приводит к следующим статистическим выводам. Из упомянутых автором 28 знатных фамилий 25 поселились в Казвине задолго до монгольского нашествия. И хотя 7 ша'бана 617 г. х. (7 октября 1220 г.) монгольским полководцем Субудай-бахадуром в Казвине была произведена „всеобщая резня“, драматически описанная тем же Хамдуллахом Казвини в его стихотворном произведении „Зафар-намэ“ („Книга победы“), на основании устного рассказа очевидца, прадеда автора, Аминеддина Насра Мустауфи,² несомненно, что многие из знатных фамилий во время этой резни уцелели случайно, или, вероятнее, получили пощаду.

Сам автор говорит, что большинство этих фамилий было арабского происхождения.³ Явно арабского происхождения было 13 фамилий; среди них одна фамилия сейидов Хусейниев (потомков третьего Хусейна),⁴ одна фамилия (Бекриев, в монгольскую эпоху именовавшихся Ифтихариями) потомков первого халифа Абу-Бекра;⁵ одна фамилия (Аббасиев) потомков одной ветви халифов Аббасидов;⁶ одна фамилия (Анасиев) потомков знаменитого богослова Малика ибн-Анаса⁷ (VIII в. н. э.), основателя-эпонима маликитской богословской школы (мазхаба); затем 4 фамилии потомков товарищей (асхабов) пророка Мухаммеда,⁸ из которых выделялась фамилия Заканиев (Заканийан), из арабского племени Бену Хафадж, — из этой фамилии происходил персидский поэт Убейд-и Закани.⁹ Явно иранского (персидского и дейлемитского) происхождения было 3 фамилии; неясного происхождения, не то арабского, не то иранского, было 8 фамилий; только одна фамилия — Баздары (Баздаран) тюркского происхождения; их предок Барангуш был гулямом, т. е. гвардейцем рабского происхождения, потом сокольничьим (баздар) халифа Муктафи (902—908 гг.), назначенным им правителем (хакимом) города Казвина.¹⁰

Фамилии арабского происхождения поселились в Казвине или вместе с арабскими завоевателями, или во всяком случае задолго до монгольского завоевания. Так, фамилия Заканиев сохраняла грамоту (действительную или подложную?) четвертого халифа Али, копия ее приведена Хамдуллахом Казвини;¹¹ такая же грамота была у фамилии Заданиев;¹² о фамилии Рафи'ев сказано, что они „пришли в Казвин во времена

¹ Т а р и х - и Х а ф и з - и А б р у, цит. рукоп., лл. 396а — 396б. Даулетшах, Тезкирет аш-шу'ара, изд. перс. текста Э. Г. Броуна, Лондон — Лейден, 1901, стр. 277—278.

² Содержащий это описание отрывок из „Зафар-намэ“ (перс. текст. и англ. перевод) приведен у Е. С. Browne (History of Persian literature under Tartar dominion, стр. 96—98).

³ Т а р и х - и г о з и д э, цит. изд. перс. текста, стр. 842: اصل قبایل آنجا از عربیست.

⁴ Там же, стр. 843.

⁵ Там же, стр. 844.

⁶ Там же, стр. 847.

⁷ Там же.

⁸ Фамилии Халидиев, Зубейриев, Заканиев и Рафи'ев.

⁹ Т а р и х - и г о з и д э, стр. 845.

¹⁰ Там же, стр. 844.

¹¹ Т а р и х - и г о з и д э, стр. 845—846.

¹² Там же, стр. 846.

халифов¹, т. е. не позднее X в. Фамилия Караджиев² прибыла в Казвине при халифе Харуне (786—809);³ из этой фамилии происходил знаменитый арабоязычный географ (XIII в.) Закария Казвини. Фамилия Мустауфиев (Мустауфийан), из которой происходил Хамдуллах Казвини, поселилась в Казвине при халифе Му'тасиме (833—842), когда предок фамилии, араб Хурр ибн-Йезид ар-Рийахи, был правителем Казвина.⁴

Из этих 25 фамилий домонгольского времени к 1330 г. н. э. одна фамилия впала в бедность,⁵ четыре — вымерли⁶ и одна фамилия переселилась в Тебриз,⁷ а прочие остались и сохранили свое влияние в Казвине.

Всего 3 новых фамилии вступили в ряды аристократии в Казвине в монгольскую эпоху. Из них только одна фамилия была монгольского происхождения — Була-Тимуриды (Була-Тимурийан), потомки Таянг-хана найманского; потомок его, эмир (нойон) Текеш, при Оготай-каане был назначен наместником (шихна) Казвина; его потомки остались здесь и разбогатели.⁸ Затем, одна из новых фамилий была тюркская (Каравулан), также очень богатая,⁹ и одна фамилия персидская — Ширзадии (Ширзадийан). Предок-эпоним этой фамилии Ширзад ибн-Ширан происходил из людей среднего состояния Казвина, у него было стадо баранов.¹⁰ Сын его Хаджи Бедреддин разбогател, приобрел много земельных владений и движимого имущества,¹¹ поступив на службу к Оготай-каану, великому хану монгольскому, и, получив, в конце концов, назначение на пост великого битикья (улуг-битикчи) округа Казвина. Сын Бедреддина Хусамеддин Омар достиг высокого положения заместителя улусного эмира Амир-Буки.¹²

Все эти фамилии городской знати, живя в городе, были в то же время крупными землевладельцами Казвинского округа. Упомянутая уже фамилия Ифтихариев обладала „движимым имуществом и земельными владениями“ (асбаб ва амлак).¹³ Сефиеддин Закани, из иранизированной арабской фамилии Заканиев, был „господином земельных владений и движимого имущества“.¹⁴ Фамилия эта была многочисленна, и не все члены ее были одинаково богаты. Член этой фамилии, персидский поэт 'Убейд-и Закани (ум. в 1371 г.), родился в фамильном поместье Закан близ Казвина.¹⁵ Сам поэт не был богат, однако и у него были земельные владения.

¹ Там же, стр. 845.

² Там же, стр. 847 *كوجيان* что можно читать как „Караджийан“ или „Курджийан“; ими был основан город Карадж *كوج*; предком фамилии был Абу Дулаф Иджли; иначе фамилия именовалась Дулафидами.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 848.

⁵ Фамилия Ифтихариев *افتخاریان* (там же, стр. 844).

⁶ Фамилия Анасиев *اناسیان*, Кайсиев *کیمیسیان*, Му'афайев *معافائییان*, Нишапурцев *نیشاپوریان* (там же, стр. 847—849).

⁷ Фамилия Му'минов *مؤمنان* (там же, стр. 848).

⁸ Тарих-и гоизде, стр. 849.

⁹ Там же, стр. 848; как показывает фамильное имя, фамилия эта вышла из военной, вероятно кочевой тюркской среды.

¹⁰ Там же, стр. 846: *از اوساط الناس قزوین و اورا کله کو سفند بودی*

¹¹ Там же, стр. 846: *پسرش حاجی بدرالدین را املاک و اسباب زیاده شد*

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 844.

¹⁴ Там же, стр. 845: *خداوند املاک و اسباب*

¹⁵ См. предисловие к „Хазалият“ („Шуточным стихотворениям“) 'Убейд-и Закани, Константиноп. изд. 1303 г. х. = 1885/1886 г. н. э.; см. также: Э. Г. Бр., *of Persian literature under Tartar dominion*, стр. 231.

В одном из своих „шуточных стихотворений“ (хазалият) поэт говорит о своем разорении (приводим прозаический перевод):

„Прежде из имения¹ каждый год отовсюду
мне доставляли разные мелочи.
„В жилище моем находились сухой хлеб и
блюдо салата, когда приходил приятель;
Случалось, бывало и вино, если приходил
интимный друг и любимец;
„Теперь же в руках моих нет ничего, ни су-
хого, ни влажного, из того, что не-
когда шло в расчет,
„Кроме меня самого, в доме моем ничего не
осталось, — и того б не осталось, если б
[уход мой] послужил на пользу!“²

Этот поэт был городским жителем. В другом „шуточном стихотворении“ он писал о себе:

„В городе у меня долги и в квартале долги,
„Долги на улице и долги в доме“.³

Упомянутая уже фамилия Каравулан, возвысившаяся при монгольском владычествe, была очень богата, обладала большими купленными земельными владениями и движимым имуществом.⁴ Була-Тимур, эпоним выдвинувшейся в ту же эпоху фамилии Була Тимуридов, „достиг степени эмирата, и у него собралось много земельных владений, недвижимого имущества и подвластных людей в Хорасане и Ираке“.⁵ О фамилии Башариев Хамдуллах Казвини говорит просто, что это были люди богатые.⁶

Итак, представители казвинской городской аристократии были землевладельцами округа, иначе говоря, феодалами, как и знатные люди в Себзеваре бейхакском. Как там, так и в Казвине, эти знатные люди принадлежали к двум прослойкам класса феодалов — к гражданской бюрократии и духовенству, точнее сословию богословов и законовeдов.

Обе эти группы в источниках обозначались одним термином „ахл-и калам“ (арабо-перс. „люди пера“, в отличие от „ахл-и шемшир“ — „людей меча“, военной аристократии, в XIII—XIV вв. состоявшей преимущественно из монгольских и тюркских кочевников).

Шейх Сейфеддин Мухаммед ал-Хусейни, из фамилии сейидов Хусейниев, богослов шафиитской школы, господствовавшей в XIII—XIV вв.

¹ Мильк (арабск.) — в терминологическом значении „безусловная, недвижимая собственность, с правом продажи и передачи по наследству“.

² Приведено у Э. Г. Броуна, цит. соч., стр. 239:

پیش ازین از ملک هر سالی مرا * خورده از هر کناری آمدی
در و ثاقم نان خشک و تیره * در میان بودی چویاری آمدی
که گهی هم باده حاضر شدی * گهر ندیدی و نگاری آمدی
نیست در دستم از خشک و تر * ز آنچه وقتی در شماری آمدی
غیر من در خانه ام چیزی نماند * وان نماندی گریکاری آمدی

³ Приведено у Э. Г. Броуна (цит. соч., стр. 240); см. также Хазалият, Константиноп. изд., стр. 61—62:

در شهر قرض دارم و اندر محله قرض
در کوچه قرض دارم و اندر سرای قرض

⁴ Тарих-и гозиде, стр. 847: تمام داشتند املاک و اسباب خریدند

⁵ Там же, стр. 849: امیر بولاتیمور بمنزله امارت برسید و املاک و اسباب و اتباع بسیار در خراسان و عراق بر و جمع شد

⁶ Там же, стр. 844.

в Казвине и во всех почти городах западного Ирана, был главным казием¹ столичного города (дар ал-мульк) Султанин и округов Казвина, Абхара, Зенджана и обоих Тарумов.² Из двух ветвей фамилии Заканиев члены одной были улемами, члены другой занимали должность садра, очевидно наследственно.³ Среди членов фамилии Зубейриев были „улемы и салихи“.⁴ Из фамилии Заданиев выходили „улемы и захиды (подвижники) высоких степеней“.⁵ Также и из фамилии Тавусов (Тавусан) выделялись „улемы высоких степеней“, каковы шейх Мухаммед Казвини и сын его шейх Джа'фар 'Ираки.⁶ Члены фамилии 'Аббасиев (как сказано, это была одна из ветвей халифской фамилии 'Аббасидов) были наследственными управляющими дивана Казвинского округа.⁷

Из фамилии Гаффариев вышло много богословов шафритской школы, среди них известный Неджмеддин 'Абдулгаффар, умерший в 1267 г. Потомки его были имамами в Казвине.⁸ Из фамилии Рафи'ев также было много богословов.⁹ Среди членов „высокосановитой“ фамилии Марзубаниев, обитавшей в квартале Дастанджерд близ сада Баг-и Мейдан, было также „много улемов и людей хадиса“.¹⁰ Члены фамилии Мустауфиев, уже упоминавшейся, при династии Буидов около 100 лет наследственно занимали пост хакима (правителя) Казвина. После завоевания города султаном Махмудом Газневи (998—1030) Мустауфии лишились поста хакима, но взамен получили привилегию наследственно занимать пост мустауфии (главы дивана финансов) в округе Казвина и удерживали этот пост еще в XIV в.,¹¹ благодаря этому их звание превратилось в фамильное имя. Происходивший из этой фамилии персоязычный историк и географ Хамдуллах Мустауфи Казвини был мустауфием округов Казвина, Зенджана, Абхара и обоих Тарумов.¹² Другие члены фамилии занимали при Хулагуидах важные административные посты.¹³

Один из членов богатой и чиновной фамилии Му'минов,¹⁴ ходжа Таджеддин Му'мини, занимал видный пост в диване великого везира (диван-и визарет) при всеильном везире Шемседдине Мухаммеде Джувейни, в 50—70-х гг. XIII в.¹⁵ Члены одной ветви фамилия Халидиев, арабского происхождения, „достигали высоких степеней в суфийской мистике (тасаввуф)“,¹⁶ иначе говоря, были дервишескими шейхами, а из другой ветви той же фамилии ходжа Садреддин Ахмед Халиди был

¹ قاضي قضاة — „казий казиев“ (там же, стр. 842).

² Там же, стр. 845.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 846.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 847.

⁷ Там же.

⁸ Там же; известный персидский историк XVI в. Ахмед Гаффари, автор трудов „Нигаристан“ („Картинная галерея“), и „Нусах-и джехан-арай“ („Списки украшателя мира“) казвинец, вероятно происходил из этой же фамилии.

⁹ Там же, стр. 845; об известном казвинском богослове ханефитской школы из фамилии Рафи'ев упоминает в первой трети XIII в. историк Мухаммед Несави, Сират ас-султан Джалаледдин Мангуберти, изд. О. Houdas, арабск. текст, стр. 234, франц. пер., стр. 390.

¹⁰ Тарих-и гозидэ, стр. 845.

¹¹ Там же; правда, прадед Хамдуллаха Казвини, Аминеддин Наср Мустауфи, мустауфий казвинский, погиб от руки монгольских завоевателей 93 лет от роду, но потомки его сохранили свой наследственный пост и при монгольском владычестве.

¹² Тарих-и гозидэ, стр. 598; Нузхат ал-кулуб, стр. 27.

¹³ Подробнее см. об этом в нашей статье „Хамдуллах Казвин как Источник социально-экономической истории Восточного Закавказья“, Известия Акад. Наук СССР, отд. общ. наук, 1937, № 4, стр. 875; там же приведена библиография.

¹⁴ Тарих-и гозидэ, цит. изд., стр. 848: صاحب مال و جاه بودند.

¹⁵ Тарих-и гозидэ, цит. стр.; о фамилии Джувейниев скажем ниже.

¹⁶ Там же, стр. 844.

великим везиром с титулом „Садр-и джехан“ („Опора мира“) Хулагуидского государства при Кейхату-хане (1291—1295 гг.).¹ Садр-и джехан известен своей попыткой, кончившейся плачевной неудачей, вести в обращение в Иране, по примеру Китая, бумажные деньги „чао“. Брат его, носивший титул „Кутб-и джехан“ („Полюс мира“), занимал высокий придворный пост. Оба брата были казнены при Газан-хане в 1298 г.

При монгольском владычестве первое место среди казвинской знати заняла фамилия иранизованных арабов Ифтихариев, упомянутая уже нами. Ифтихареддин Мухаммед ибн-Абу-Наср Бекри² при наместниках великих ханов достиг высоких чинов: образованный филолог, он был очень полезен завоевателям благодаря своему знанию языков монгольского и тюркского, что было редкостью в среде иранской гражданской бюрократии. Книгу „Калила и Димна“ Ифтихареддин перевел на монгольский язык, а „Синдибадову книгу“ на тюркский;³ можно думать, что он знал уйгурский алфавит, принятый у монголов. В 651 г. х. = 1253—1254 г. н. э. великий хан Мангу-каан назначил Ифтихареддина хакимом (гражданским правителем) Казвина, с титулом мелика,⁴ который при монгольских ханах давался высшим представителям оседлой феодальной знати из покоренных народов. Ифтихареддин и его брат мелик Иманеддин Яхья 27 лет вместе правили в Казвине.⁵ В 677—1278/9 г.⁶ управление городом было предоставлено ходже Фахреддину Ахмеду из фамилии Мустауфиев, впоследствии наместнику Малой Азии. Причину этой перемены мы узнаем от Рашидеддина. По рассказу этого историка, в конце правления Абака-хана „издержки мелика Ифтихареддина Казвинского повысились. И принесли на него жалобу, что он похитил много податных сумм (маль). Он возвратил 50 туманов⁷ и не допустил, чтобы дело дошло до очной ставки (с обвинителями). И два года он оставался задержанным в орде“.⁸ Обычная манера поведения и обычный финал карьеры иранского гражданского сановника на службе у монгольских ханов! Неудивительно, что Ифтихареддин разбогател. Он украсил город Казвин многими великолепными зданиями.⁹

Через несколько лет управление Казвином снова перешло в руки Ифтихариев, и так продолжалось до конца царствования Ульджайту-хана (1316). Монгольские ханы во время своих приездов в Казвин останавливались во дворце Ифтихариев. Абу-Са'ид Бахадур-хан в начале своего царствования отдал Казвин в управление уполномоченным своей матери Гунджишкан-хатун.¹⁰ Фамилия Ифтихариев разорилась, и из недвижимого имущества и поместий (амлак) их наследникам ничего не осталось.¹¹

Данные Хамдуллаха Казвини, как и данные автора „Тарих-и Бейхак“, показывают большую устойчивость этнического и социального состава

¹ Там же.

² До Ифтихареддина фамилия эта носила имя Бекриев в честь предка фамилии, халифа Абу-Бекра.

³ Там же, стр. 844.

⁴ Там же, стр. 841—842.

⁵ Другие три брата их были наместниками монгольского хана в Мазендеране, Грузии и Дийарбекре (см. там же, стр. 844).

⁶ Повидимому, в этом году Ифтихар-ад дин умер после двухлетней опалы (см. ниже). По Рашидеддину, Ифтихареддин умер в 678—1279 (80 г.), см. рукоп. Инст. вост. рукоп. АН УзССР № 1620, л. 221б.

⁷ Т. е. 500 тыс. серебряных динаров или, примерно, 3% ежегодного дохода Хулагуидского государства в 70—80-х гг. XIII в.

⁸ Рашидеддин, цит. рукоп., л. 221б.

⁹ Тарих-и гоизде, цит. изд., перс. текст, стр. 844.

¹⁰ Там же, стр. 842; иначе говоря, отдал Казвин в удел своей матери.

¹¹ Там же, стр. 844.

городской знати и до и после монгольского завоевания. Знать эта состояла из иранцев и давно уже иранизованных потомков арабских завоевателей, представителей оседлого элемента, землевладельцев, верхов гражданского чиновничества и мусульманского духовенства. Обе эти близкие друг другу группы класса феодалов — носители традиций централистической государственности, восходившей ко временам Сасанидов, халифата, Буидов, и традиций мусульманского права, — были враждебны стремлениям монголо-тюркской военно-кочевой аристократии с ее традициями чингизхановой ясы и центробежными тенденциями.

Но монгольские ханы, поддерживавшие в большей или меньшей степени централистическую тенденцию, видели в иранской городской знати полезных для себя помощников и агентов в эксплуатации покоренных раййатов — горожан и крестьян. Эта знать в значительной своей части легко перешла на сторону монгольских завоевателей.

Фамилии городской знати, как сказано, были одновременно городскими жителями, и землевладельцами, и феодалами. Часть этих фамилий выделилась из остатков старинных иранских дехканов. Еще в начале XIII в. мы встречаем в источниках упоминание о дехканах как остатках старинного рыцарства.¹ Биограф последнего хорезмшаха Джелаледдина (1221—1231) Мухаммед Несави часто упоминает о феодалах, живших в укрепленных замках,² да и сам он жил в подобном семейном замке — Хорендиз.³ В эпоху монгольского владычества остатки дехканского рыцарства исчезли, замки из резиденций феодалов превратились во временные убежища для их владельцев на случай осады или опасности,⁴ число этих замков уменьшилось. По данным Хамдуллаха Казвини, в области Фарс из 70 слишком крупных замков, существовавших там до времен сельджукидов, в XIV в. сохранилось только 16,⁵ но и из них часть попала в руки новых владельцев — представителей монголо-тюркской кочевой знати.⁶

В XIV в. местные феодалы не жили в замках, не жили часто и в своих сельских усадьбах. Военная монголо-тюркская знать летом кочевала с подчиненными ей племенами, зимою жила при дворах монгольских ханов и царевичей. Иранская местная чиновная и духовная знать жила в городах. В названную эпоху в Иране почти не было собственного господского барщинного хозяйства феодалов, и господские земли сдавались мелкими участками безземельным крестьянам на условиях издольной аренды.⁷ Благодаря этому у разных групп феодального класса и не было особой необходимости постоянно жить в деревне: они лишь получали с крестьян продуктовую и денежную ренту. Поэтому город-

¹ Джувейни, цит. изд., т. I, стр. 119 (о дехканах Хорасана):

دها قين از كثرت نعمت با ملوك وامراء وقت دم موازات مي زدند

„Дехканы, благодаря изобилию благ, пытались равняться с царями и эмирами времени“; из контекста видно, что термин „дехкан“ здесь употреблен в значении землевладельца, а не крестьянина.

² Несави, цит. изд., арабск. текст, стр. 153—154, 156—157, 177—178, 224—226; франц. пер., стр. 254—257, 259—262, 295—296, 373—377.

³ Там же, арабск. текст, стр. 53, 57—59; франц. пер., стр. 90, 97—100.

⁴ О подобной эволюции феодального замка трактуется в монографии проф. Е. А. Пахомова, Оборонные сооружения Апшерона, Баку, 1947.

⁵ Нувхат ал-кулуб, цит. изд. перс. текст, стр. 131; описание важнейших замков см. там же, стр. 132—133. Ср. также „Фарс-намэ“ Ибн-ал-Балхи, изд. G. M. S., под ред. Г. Ле-Стренджа и Р. Никольсона, перс. текст, стр. 156—160.

⁶ Там же, стр. 133, о замке قلعه تير.

⁷ См. работу проф. А. Ю. Якубовского „Об издольных арендах Ирака“, Советское востоковедение, т. IV, 1947, стр. 171—184. Выводы А. Ю. Якубовского, относящиеся к эпохе халифата, сохраняют силу и для монгольской эпохи; упоминания об издольщиках в это время часты; см., напр., Нувхат ал-кулуб, стр. 30, 118.

скую знать можно было бы условно называть земско-городской знатью, и мы в дальнейшем будем именовать ее так.

Живя в городе, представители земско-городской знати оказывались связанными и с городской торговлей или принимая участие в откупах налоговых сборов,¹ или вкладывая средства в крупную оптовую караванную (внешнюю) торговлю, в компании привилегированных купцов-уртаков.

Данные автора „Тарих-и Бейхак“ о Себзеваре и Хамдуллаха о Казвине типичны для определения облика знати и других городов Ирана. Правда, относительно этих городов мы не располагаем такими суммарными данными, как относительно Себзеvara и Казвина. Но единичные сведения о представителях служилой и духовной земско-городской знати, разбросанные по разным источникам, как увидим, вполне соответствуют приведенным выше данным о земско-городской знати Себзеvara и Казвина.

В XII в. подобная фамилия богословов, наследственных хатибов и ре'исов, потомков халифа 'Омара, одновременно феодалов и купцов, захватила власть в Бухаре, с титулом „Садр-и джехан“ („опора мира“).² Бухарские садры сохраняли власть в Бухаре и при монгольском владычестве.³

В Тебризе перед монгольским завоеванием руководящее положение занимала фамилия Тугра'иев (Тугра'ийан).⁴

Подобных лиц еще в домонгольскую эпоху мы находим также в Грузии и Армении. В Тбилиси стоит назвать министра финансов царицы Тамары (1184—1213) Кутлу-Арслана, защитника интересов купцов и финансистов. Опубликованный акад. Н. Я. Марром эпиграфический памятник конца XII в. рисует нам яркий образ Тиграна Оненца, жителя армянского города Ани, принадлежавшего с 1173 г. Грузинскому царству, наполовину феодала, наполовину купца и ростовщика, скупившего много земель в окрестностях города, строителя и ктитора армяно-халкедонитской (православной) церкви св. Григория в Ани.⁵ Н. Я. Марр, обратив внимание на сочетание феодала и купца в одном лице, готов был видеть в Тигране Оненце носителя новых буржуазных отношений.⁶ В действительности в социальном облике Тиграна не было ничего исключительного, нового и, конечно, ничего буржуазного: это был типичный для стран Передней и Средней Азии представитель земско-городской знати.

Подобные же фигуры мы встречаем также в рассказах источников монгольской эпохи. Типичной для земско-городской служилой знати была фамилия иранизованных потомков арабов Джувейниев,⁷ одна из старейших и знатнейших в Иране, члены которой еще со второй половины VIII в. служили аббасидским халифам, занимали главные государственные посты, в частности пост начальника дивана финансов с титулом сахиб-дивана, при сельджуках и хорезмшахах,⁸ а потом

¹ В Фарсе, напр., откупа (مقاطعه, ضمان) налоговых сборов во второй половине XIII в. находились в руках местных крупных оседлых феодалов-меликов; см. у Хафиз-и Аbru, цит. рукоп., л. 120б (частью на основании Вассафа).

² В. В. Бартольд, Туркестан, ч. II, стр. 379—381. Кроме первоисточников, цит. В. В. Бартольдом, см. также у Джузджани, изд. перс. текста Nassau Lees, стр. 170.

³ Джувейни, цит. изд., т. I, стр. 83—90; Рашидеддин, цит. рукоп. Инст. вост. рукоп. АН УзССР, № 1620, л. 220а; см. также Муvшаат-и Рашиди (письма Рашидеддина), рукоп. Инст. востоковед. АН СССР В-938, лл. 22а—22б (письмо 16).

⁴ О ней см. у Ибн-ал-Асира, изд. Торнберга, т. XII, стр. 224 сл.; русск. перев. у Тязенгаузена, стр. 15 сл.; Несави, цит. изд., арабск. текст, стр. 112—117, франц. пер., стр. 185—194.

⁵ Н. Я. Марр, Ани, стр. 33—35; ср. там же, стр. 42 (надпись Сахмадина 710 г. арм. э.—1261 г. н. э.).

⁶ Там же, стр. 35.

⁷ Из округа Джувейн, соседнего с Бейхаком, в Хорасане.

⁸ Несави, цит. изд., арабск. текст, стр. 195, франц. пер., стр. 324—325.

перешли на службу к монгольским ханам. Исключительно велико было могущество знаменитого первого везира Хулагу-хана, Абака-хана и Токудар-Ахмед-хана, сахиб-дивана Шемседина Мухаммеда Джувейни, финансиста и крупного землевладельца. Брат его, историк 'Алаеддин Ата-Мелик-и Джувейни, был наместником Ирака арабского (Месопотамии).¹

Ежедневный собственный доход всеильного сахиб-дивана равнялся 1 туману = 10 тысячам серебряных динаров, следовательно составлял 365 туманов в год;² эта сумма превышала 20% всего государственного дохода Хулагуидской державы, который, по Хамдуллаху Казвини, составлял в то время 1700 туманов, а по Вассафу — 1600 туманов в год. Семья Джувейниев пала жертвой политического переворота и антимусульманской реакции при вступлении на престол Аргун-хана, покровителя буддистов, христиан и евреев и врага мусульман. Казнь сахиб-дивана состоялась 4 ша'бана 683 г. х. = 16 октября 1284 г. н. э.

Представителем новых элементов, вошедших в ряды городской знати при монгольских ханах, был везир мусульманских государей Газан-хана и Ульджайту-хана, медик, персоязычный историк и автор ряда трудов по мусульманскому богословию Рашидеддин Фазлулах ал-Хамадани (род. в 1247 г., казнен 18 джумады I 718 г. х. = 18 июля 1318 г. н. э.), прославившийся как автор или, точнее, редактор большого исторического труда „Джами'ат-таварих“ („Собрание историй“). Он происходил из незначитной семьи ученых, которой враги Рашидедина, дабы возбудить против него представителей мусульманского фанатизма, приписывали еврейское происхождение; это утверждение, однако, не может быть вполне установлено на данных источников.³ Сделав блестящую придворную карьеру, сперва в качестве лейб-медика, потом везира (с 1298 по 1317 г.), Рашидеддин скопил не меньшие богатства, нежели сахиб-диван Шемседдин Джувейни, став крупным землевладельцем, рабовладельцем и принимая участие в торговых операциях. В Тебризе Рашидеддин владел на правах милька (наследственной собственности) построенным им целым кварталом Руб'-и Рашиди, который он обстроил великолепными постройками.³

Термин „руб'“ (в арабском яз. буквально „четверть“, „квартал“), как известно, имел в ту эпоху различные значения. Повидимому, Руб'и Рашиди („Рашидов квартал“) был именно четвертой частью города Тебриза, обстроенной при расширении территории города Газан-ханом,⁴ вместе с прилегающим сельским округом. Об этом мы можем судить по описанию, приведенному в письме Рашидедина к своему сыну Са'дедину. Согласно этому описанию, Руб'-и Рашиди насчитывал 30 тыс. домов (перс. „ханэ“, вероятно, в значении „семейств“, следовательно до 120 тыс. жителей), 24 караван-сарая, 1500 лавок, много садов, бань, складов, мельниц, бумажных и других мастерских и монетный двор; среди ремесленников было много искусных мастеров, переселенных (вероятно принудительно) из разных городов и стран; была в Руб'-и Рашиди „улица улемов“ (Кучэй-и улема), заселенная богословами, муэззинами и чтецами корана; в тамошних медресе обучалось

¹ Подробно см. в историческом введении Мирзы Мухаммеда Икбаля к изданию перс. текста „Тарих-и джехан гушай“ Джувейни, в серии G. M. S., т. I, стр. XIX сл.; там же см. и библиографию.

² Тарих-и говидэ, цит. изд., стр. 584.

³ См. подробности в биографии Рашидедина у Катрмера во введении к его „Histoire des Mongols de la Perse“, Paris, 1836; так же у В. В. Бартольда в рецензии на книгу Блоше „Introduction à l'histoire des Mongols de la Perse“, „Мир ислама“, т. I, вып. 1, стр. 78, сл.

⁴ Нузхат ал-кулуб, стр. 76.

6 или 7 тыс. студентов; в числе профессоров и ученых было 50 медиков из Индии, Китая, Египта и Сирии, каждый из них обучал по 10 учеников; был там и знаменитый госпиталь (дар аш-шифа), основанный Рашидеддином; при госпитале находились лучшие окулисты, хирурги и костоправы, обучавшие каждый по пяти юных рабов Рашидеддина;¹ травы и разные снадобья для этого госпиталя доставлялись, по заданию Рашидеддина, между прочим, из Индии и Малой Азии.² Была в „Рашидовом квартале“ и библиотека с 60 тыс. книг по точным наукам, истории, поэзии, и богословию, среди них было до 1000 списков корана, выполненных наиболее прославленными каллиграфами эпохи. Для орошения „Рашидова квартала“ Рашидеддином был проведен большой кариз (подземная галлерей для вывода подпочвенной воды наружу), называемый Рашиди.³ В Султании он также построил предместье Рашидия с соборной мечетью, медресэ, госпиталем и 1500 домов.

Столь разнообразная строительная, культурная и хозяйственная деятельность была бы немыслима без связей Рашидеддина с купцами, торговлей и ремесленной промышленностью. На такие связи, помимо приведенного выше описания Руб'-и Рашиди, указывают и другие письма Рашидеддина. В письме к мустауфию Рума (Малой Азии) Рашидеддин дал ему поручение доставить через посредство купца Ходжи Ахмеда в Магриб (Марокко) подарки, в деньгах и товарах, десяти тамошним ученым.⁴ О деятельности Рашидеддина как землевладельца мы узнаем из одного письма, содержащего описание и план нового канала, проведенного Рашидеддином из р. Тигра в районе Дийарбекра и названного им своим именем. По берегам канала Рашидеддин основал и заселил 14 селений, названных именами его четырнадцати сыновей.⁵ Близ Руб'-и Рашиди Рашидеддин восстановил пять запустевших селений; в четырех из них он поселил по сорока купленных им молодых рабов и молодых рабынь одной из четырех народностей: грузин (перс. „гурджийан“), курдов („курдийан“), абиссинцев („хабешан“) и негров („зенгийан“); для заселения пятой деревни Рашидеддин поручил своему сыну, Ходже Желаледдину, наместнику Рума, прислать сорок молодых греческих рабов и столько же рабынь-гречанок („румийан“).⁶ Вновь заселенные деревни были названы, по народности поселенных там рабов, Гуржийан, Курдийан, Хабешан, Зенгийан и Румийан.

Своим богатством Рашидеддин был обязан не только своей хозяйственной деятельностью, но и тому, что весь административный аппарат Хулагуидского улуса находился в его руках; из его четырнадцати сыновей одиннадцать были гражданскими правителями Ирака арабского, Киннесрина, Антиохии, Рума, Грузии, Ардебиля, Исфахана, Семнана, Хорасана, Кермана, Хузистана; в других областях сидели его племянники и его вольноотпущенники.⁷

¹ Письма Рашидеддина, рукоп. Инст. востоков. АН СССР, № В-938, л. 70 сл., письмо 51; ез; подобный же госпиталь (дар аш-шифа) с аптекой (дару-ханэ) был основан Рашидеддином в его родном городе Хамадане, см. в той же рукоп., л. 645.

² Та же рукопись, лл. 27а, 28а.

³ Нузхат ал-кулуб, цит. изд., стр. 77; О Руб'-и Рашиди, см. также: G. Le Strange. Lands of the Eastern Caliphate, pp. 162—163; E. G. Browne, op. cit., p. 86.

⁴ Письма Рашидеддина, письмо 40.

⁵ Там же.

⁶ Та же рукоп., лл. 26б—27а, письмо 17. На это место обратил мое внимание проф. А. А. Али-Заде, которому и приношу благодарность.

⁷ В 1946 г. появилась статья R. Levy: „The letters of Rashid-dl-din“ (Journal of the Royal Asiatic Society, 1946, № 1—2, pp. 74—73). Автор объявляет письма Рашидад-Дина подделкой XV в. Однако выводы Р. Леви представляются нам малообоснованными и убедительными.

Многосторонни и крепки были связи Рашидеддина с мусульманским духовенством.¹

Опала и казнь Рашидеддина была вызвана заговором против него группы персидских чиновников во главе с везиром Таджеддином Алишахом Тебризи. Поместья Рашидеддина и „Рашидов квартал“ были конфискованы, имущество расхищено.² Но после опалы и падения эмира Чобана имя Рашидеддина было реабилитировано, сыновья его вернули себе отцовское наследство и снова утвердились в „Рашидовом квартале“, а шестой сын его Гийаседдин Мухаммед Рашиди получил пост великого везира и титул эмира. Эмир Гийаседдин Рашиди, подобно своему отцу, был ревностным мусульманином и числился муридом знаменитейшего из суфийских шейхов Ирана в ту эпоху, Сефиеддина Исхака ал-Мусеви ал-Ардебели (1252—1334 гг. н. э.), главы — эпонима дервишского ордена Сефевийя, предка династии Сефевидов. В одном из житий этого св. шейха упоминаются построенные Гийаседдином в „Рашидовом квартале“ мечеть, имарет (благотворительное учреждение) и ханаках³ (дервишская обитель). В том же житии рассказывается, что однажды в упомянутой мечети состоялся меджлис (собрание суфиев), где присутствовали шейх Сефиеддин, чагатайский царевич Ясавур, везир Гийаседдин Мухаммед Рашиди и брат его эмир Ахмед, сильные мира сего (арбаб-и дунья), знаменитейшие богословы, шейхи⁴ и сборище почетнейших муридов шейха. Но муриды шейха из простонародья, для которых не нашлось места в мечети, силою ворвались туда и нарушили мирное течение меджлиса; эмир Ахмед Рашиди схватил палку, желая выгнать „чернь“ из мечети, но был опрокинут и едва не погиб под ногами толпы, — двое „благочестивых ходжей“ спасли его.⁵ В этом рассказе отразилась вражда между муридами из социальных низов и верхов.

Ибн-Баттута рассказывает об одном из наиболее известных представителей городской знати из высшего мусульманского духовенства. В 30-х годах XIV в. главою богословов Шираза был тамошний казий, видный богослов шафийтской школы, сейид Меджеддин Исмаил ибн-Худадад, которого обычно титуловали „величайший владыка наш“.⁶ Он вел строгий образ жизни, постоянно ходил в ветхом халате, покрытом заплатами, и в таком виде принимал представителей городской знати Шираза.⁷ А между тем он был очень богат. Монгольский государь Абу-Са'ид-Бахадур-хан (1316—1335 гг.) подарил казию ширазскому 100 селений, находившихся в долине Джемкан;⁸ среди них было селение Меймен, большое, как город.⁹ Долина Джемкан простиралась в длину на 24 фарсанга (приблизительно 150 км); половина ее площади составляла сардсир (т. е. прохладное высокогорье с альпийскими лугами), а половина гермсир (т. е. низменная равнина с теплой зимой, удобная

¹ См. письма Рашидад-Дина, цит. рукоп., лл. 106, 15а, 166, 186, 196, 22а и др. См. также об этом в биографии Рашидеддина у Quatremère, *Histoire des Mongols de la Perse*, t. I, Introduction, Vie de Raschideddin, passim; там же, стр. СХІ—СХІІ, приведен арабск. текст и франц. перевод мусульманской молитвы, составленной Рашидеддином.

² Манакиб-и шейх-и Сефий-и Ардебели, рукоп. Инст. вост. рукоп. АН УзССР. № 4357, л. 1-0а.

³ Та же рукоп., л. 120а.

⁴ Они перечислены по именам.

⁵ Та же рукоп., лл. 140а—140б. Это событие могло произойти между 1327 и 1334 гг. Упоминание о Ясавуре здесь анахронизм.

⁶ Ибн-Баттута, цит. изд., т. II, стр. 62: مولانا اعظم.

⁷ كبراء المدينة (там же, т. II, стр. 88).

⁸ Там же, т. II, стр. 61: وعطاؤه في جملة عطاياه مائة قرية من قري جمكان.

⁹ Там же.

для зимних пастбищ).¹ Такое расположение позволяло вести как земледельческое, так и скотоводческое хозяйство. А от владетеля Фарса, эмира Абу-Исхака Инджу, казий Медждедин получал ежедневную пенсию в 50 динаров серебром.²

Упомянутый уже ардебильский шейх Сефиеддин Исхак (род. в 1254 г., ум. в 1334 г.), глава дервишского ордена Сефевийя, был также крупным землевладельцем. В биографиях его упоминаются принадлежавшие ему на правах милька или вакфа десятки селений в округах Ардебиля, Мараги, Мукана (Мугань), Гиляна и т. д.³ Правда, однажды, когда сын и будущий преемник шейха, шейх Садреддин Муса (ум. в 1392 г.), пожелал купить селение Кун близ Ардебиля, шейх отец не одобрил этого намерения, говоря: „Если ты займешься покупкою селений, то кто же займется верою адептов суфизма?“⁴ Дело дервишского шейха — не покупать деревни, а обращаться к адептам с наставлением в вере и в суфийском „прямом пути“ (иршад), с призывом к покаянию (таубэ кари).⁵ Однако и сам шейх Сефиеддин иногда не отказывался от покупки селений.⁶ Шейх имел возможность продавать сельскохозяйственную продукцию. Но хлеба шейх не позволял продавать. Однажды Ахи 'Али, доверенный слуга шейха в его селении Кальхуран, в год, когда ячмень был дорог, а в амбарах шейха зерно было в избытке, предложил продать ячмень и вырученные деньги отослать в Гилян, дабы купить там запас риса для кухни шейха. Шейх сказал: „Учитель наш (шейх Таджеддин Захид-и Гиляни) не продавал хлеба, мы также не продадим“.⁷ К концу жизни шейх свои поместья и земли превратил в вакф своей дервишской обители.⁹

Представители мусульманского духовенства, принадлежавшие к земско-городской знати, обычно жили в городе и вели чисто городской образ жизни. Ибн-Баттута красочно рисует собрания духовной знати в Ширазе. Каждую неделю там, в вечер с воскресенья на понедельник, Таш-хатун, мать владетеля Фарса Абу-Исхака Инджу, приглашала казиев, факихов и сейидов на собрание в мечети-мавзолее Ахмеда ибн-Мусы, сына седьмого имама Мусы Казима и брата восьмого имама 'Али-Ризы. На собрании разные чтецы читали коран приятными голосами. После того слуги приносили различные блюда, плоды и сласти. После еды проповедник (ал-ваиз) проповедывал, потом слух собравшихся услаждали музыкой. Таш-хатун присутствовала, находясь на верхней галерее мечети, за решеткой.¹⁰ Собрания духовной и чиновной земско-городской знати и штрихи ее жизни, типично городской, изображены в житии шейха Сефиеддина ардебильского.¹¹

¹ Ибн-Баттута, т. II, цит. стр.

² Там же, т. II, стр. 88.

³ Манакиб-и шейх-и Сефий-и Ардебили, цит. рукопись, *passim*; Сафват ас-сефа, рукоп. Гос. Публ. библ., Dorn № 300, лл. 325а, 469а, 474б, 482б и др.

⁴ Манакиб-и шейх-и Сефий-и Ардебили, цит. рукоп., л. 159б:

چون بديه خريدن مشغول شوى بدين طالبان كه مشغول شود

⁵ Там же, лл. 159б—160а.

⁶ Там же, л. 202б: ... شيخ در ولايت خلخال ديه كوج بخريد.

⁷ Там же, л. 149б.

⁸ Там же, л. 151а:

شيخ تمامت املاك و عقار خود... وقف زاويه متبركه كرد.

О несторнянском патриархе-католикосе Мар-Ябалахе III (1281—1316), как о представителе феодального землевладения, см. Histoire de Mar Iabalaha, цит. пер. Шабо, стр. 100, 113, 138, 178—179.

⁹ Ибн-Баттута, цит. изд., т. II, стр. 77—78.

¹⁰ Там же.

¹¹ Манакиб-и шейх-и Сефий-и Ардебили, цит. рукоп., лл. 120а, 140а—140б, 155б.

В некоторых городах значительную прослойку городской знати составляли сейиды, действительные или предполагаемые потомки пророка Мухаммеда. Они составляли замкнутые влиятельные корпорации. В Куме сейиды, ревностные шииты, играли руководящую роль в городской жизни.¹ В Ширазе их было 1400 человек, старшиною (накиб) их корпорации был 'Азудеддин ал-Хусейни, из потомков третьего имама Хусейна.² В Мешхеде 'Али-Ризы, новом городе близ древнего Туса, разросшемся в монгольскую эпоху, пользовались большим влиянием сейиды из потомков восьмого имама 'Али-Ризы; старшина их Тахир Мухаммед-шах был весьма известен.³

Султаны, местные феодальные владельцы, представители военной и чиновной знати, старались одаривать почитаемых в народе суфийско-дервишеских шейхов. Социальное лицо дервишества в монгольскую эпоху — очень сложная проблема. Сложность эта объясняется прежде всего тем, что, как сейчас твердо установлено исследователями, суфизм не представлял собой единого явления; под суфизмом (тасаввуф) понимались разные течения мусульманского мистицизма и эзотеризма. Естественно, и социальная среда, в которой находили себе последователей эти течения, была неодинакова. Известно, что в монгольскую эпоху некоторые суфийские тарикаты (ордена или школы) были очень популярны в среде ремесленников и крестьян.⁴ Но и представители феодальной верхушки имели своих идеологов среди дервишеских шейхов.

Везир-историк Рашидеддин Фазлуллах, например, послал однажды шейху Сефиеддину Ардебилу, вместе с любезным письмом, деньги, благовония и припасы, состоявшие из мяса, домашней птицы, риса, пшеницы, масла, меда и кислого молока для обители (ханаках) шейха. В 20—30-х годах XIV в. всемогущие временщики, эмир Чобан, а после него везир Гийаседдин Мухаммед Рашиди, добивались чести числиться муридами того же шейха.⁵ Монгольский государь Абу-Са'ид Бахадур-хан, вообще благоволивший к дервишеским шейхам,⁶ являлся на поклон к шейху Сефиеддину просить у него наставления и благословения.⁷

Из рассказов житий этого шейха не видно, чтобы его знатные муриды глубоко прониклись идеями суфийской мистики.⁸ Их отношение к шейхам было проще, грубее и практичнее. Они ждали от шейхов чудес (керамат), рассказами о которых наполнены жития шейхов, верили в действительную силу их молитв, и не только в деле спасения души, но и в достижении успеха в жизненных предприятиях старались также использовать в своих интересах влияние шейхов на народные массы.

¹ Якут, Му'джам ал-булдан, изд. Ф. Вюстенфельда, т. IV, стр. 175.

² Ибн-Баттута, т. II, стр. 78.

³ Там же, т. III, стр. 78.

⁴ Например, тарикат Хейдерия в Хорасане и тарикат Сефевий в Азербайджане, западном Иране и Малой Азии. О тяготении крестьян к ордену Сефевий, см. Сафват ас-сефа, цит. рукоп., лл. 69а—69б, 83б—84а. Общая картина угнетения народных масс рисуется, например, в одной из повм основателя тариката Ни'метуллаха, шейха сейида Шах-Ни'метуллаха Керманского (1329—1431); текст указанной поэмы приведен у Риза-Кули-хана, Маджма'ал-фусаха, т. II, стр. 45 (перс. текст); также у Э. Г. Броуна, цит. соч., стр. 465 (перс. текст и англ. перевод). — О мистике как об обычной в средние века идеологической форме антифеодальной оппозиции см. высказывания Фр. Энгельса, „Крестьянская война в Германии“, Соч., т. VIII, стр. 129.

⁵ Манакиб-и шейх-и Сефий-и Ардебилу, цит. рукоп., лл. 166, 120а, 140а, 155б.

⁶ Хафиз-и Абру, цит. рукоп., л. 395б.

⁷ Манакиб-и шейх-и Сефий-и Ардебилу, цит. рукоп., л. 141б.

⁸ Впрочем, Рашидеддин в письме к своему сыну Махмуду, правителю Кермана, советовал ему усердно изучать теорию суфизма у керманских шейхов; см. письмо Рашидеддина, цит. рукоп., л. 70б, письмо 48.

Многие феодалы ожидали от шейхов заступничества перед государем и „столпами державы“.¹ Все это делало влияние шейхов, в частности в их родном городе, безграничным. В начале XIII в. почти все жители Балха считались муридами шейха Бехаеддина Хусейна Веледа, отца поэта шейха Джелаледдина Руми.² Наследственные шейхи ордена Сефевийя только при четвертом шейхе Ибрахиме Шейхшахе (1427—1447) стали феодальными владельцами Ардебильского округа;³ но еще за сто лет до того влияние шейха Сефиеддина в Ардебиле было так велико, что почти все горожане числились муридами шейха и принадлежали к его тарикату.⁴

Шейхам, подобным Сефиеддину Ардебильскому, не было нужды проявлять стяжание, если бы они и желали того. Так много они получали подарков и предложений жизненных благ, что нередко шейхи предпочитали даже отказываться от них, когда почему-либо не хотели обязываться перед сильными дарителями. Сильнейший из гилянских владельцев, испехбед Имадеддин Мухаммед Гиляни, просил шейха Сефиеддина ходатайствовать за него в ханской ставке (орду), предлагая щедрые подарки. Шейх отказал, не желая брать на себя подобных поручений, и пояснил своим ближним муридам: „Отцы и деды его давали мне много деревень и земельных владений, а я не принимал и благосклонности к нему не проявлял“.⁵

От муридов невысокого социального положения шейх получал множество мелких приношений: то двое муридов шейха поднесут ему по мере сахару,⁶ то купец, вернувшийся из пугешествия в Индию, поднесет благовония и сахар,⁷ то сельская община⁸ поднесет дервишескую одежду из синей шерсти.⁹ Однажды в обители шейха собралось большое собрание почетнейших муридов, имевших степень халифа,¹⁰ которые принесли шейху подарков почти на 1000 динаров, но шейх не соизволил принять, зато принял смиренное подношение в полдирхема от бедного дервиша.¹¹ Еще в другой раз шейх предпочел многим богатым подношениям две пригоршни пшеницы от некоего мурада, который смиренно стоял в заднем ряду и сперва даже не решился поднести свой убогий

¹ Например, духовная и светская знать Кермана; см. Манакиб-и шейх-и Сефий-и Ардебил, цит. рукоп., л. 189а.

² Шемседдин Ахмед Афлаки, Манакиб ал-'арифин, франц. пер. Cl. Huart, Les saints des derviches — tourneurs, t. I, p. 7.

³ На рубеже XIII и XIV вв. хакимом Ардебиля был сын везира Рашидеддина, эмир Ахмед; см. письма Рашидеддина, цит. рукоп., письмо 49; эмир Ахмед также был муридом шейха Сефиеддина, см. Манакиб-и-шейх-и Сефий-и Ардебил, цит. рукоп., лл. 140а — 140б. Еще в первой четверти XV в. наследственным владельцем Ардебиля был эмир Бистам Джагир из тюркского кочевого племени джагирау; см. у Мирхонда, Раузат ас-сефа, бомбейское литогр. изд. перс. текста, 1251 г. х., т. VI, стр. 242, 294, 296; Абдуррезак Самарканди, Матла-ас-садайн, франц. пер. Катрмера в „Notices et extraits de la Bibliothèque du roi“, т. XIV, ч. I, стр. 234, 242, 244—245. См. также экскурс об ардебильских шейхах у В. Ф. Минорского в его „Tadhkirat al-muluk“, Лондон, 1943, стр. 189—195 (в приложении); И. П. Петрушевский, Государства Азербайджана в XV в. Изв. АЗФАН, 1945, № 2—3, 7.

⁴ Нувхат-ал-кулуб, цит. изд., стр. 81.

⁵ Манакиб-и шейх-и Сефий и Ардебил, цит. рукоп., лл. 152а — 152б:

آباو اجداد او ديها و عتار بسيار بمن ميدادند
قبول نكردم و سر همي بدو نياوردم

⁶ Там же, л. 137б.

⁷ Там же, л. 176б.

⁸ Джама'ат-и дех.

⁹ Там же, л. 184б: جامه صوف ازرق.

¹⁰ Там же, л. 156б:

جماعت كثيره از خلفاي معتبر بودند

¹¹ Там же, лл. 156б — 157а.

дар.¹ Такого рода жесты еще больше укрепляли влияние шейха. Множество мелких подношений в сумме составляли заметную статью дохода шейхов.

Связи многих дервишеских шейхов с купцами и торговлей были многообразны. Вот один из примеров таких связей из жития шейха Сефиедина Ардебили. Караван купцов из Серавы, небольшого города близ Ардебили в южном (иранском) Азербайджане, проходил через Керман. Здесь караван был задержан нукерами эмира Мубаризеддина Мухаммеда (1313—1359) из династии Музаффаридов, впоследствии могущественного государя всего юга Ирана, а в то время еще только скромного владельца городка Мейбуд близ Йезда. Нукеры потребовали от купцов выкупа. Стоявшие во главе каравана купцы Ходжа Мухаммед Акмивени Серави и Фахреддин Серави отправились для переговоров к эмиру Мубаризеддину, поднесли ему блюдо с сахаром и шерстяную одежду, предложили за освобождение каравана внести выкуп в 5 тыс. динаров золотом. Мубаризеддин спросил: „Откуда вы?“ Ответили: „Из Серавы“. „А видели ли вы шейха Сефиедина Ардебили?“ — слова спросил эмир. Ответили: „Мы все — муриды шейха, принимаем от него наставление (талькин) и творим покаяние (таубэ) пред ним“. Тогда Мубаризеддин отпустил купцов, не взяв с них выкупа и выдав им пропускную грамоту, дабы его люди не притесняли их. Так обаяние имени шейха и звание его муридов спасло купцов от ограбления и плена у феодала-разбойника, отличавшегося свирепым нравом.²

Нередко эти связи с купцами и торговлей принесли шейхам и другим представителям духовной аристократии обеспеченный постоянный доход. Характерный пример приводит ибн-Баттута. В Казеруне, большом городе Фарсы, центре льняной промышленности,³ находилась обитель (завийя) св. шейха Абу-Исхака Ибрахима ал-Казеруни.⁴ Особенно почитали шейха купцы, ведшие морскую торговлю с Индией и Китаем; они крепко верили, что молитвенное заступничество святого должно спасти их от страшных бурь Индийского океана и не менее страшных нападений морских разбойников. У этих купцов был обычай: отправляясь в морское путешествие, обещать пожертвовать в обитель шейха какую-либо сумму, на которую и составлялось письменное обязательство. После благополучного возвращения корабля в гавань, служители обители поднимались на судно и, просмотрев обязательства, от каждого получали сумму принятого им на себя обета. Не бывало случая, говорит ибн-Баттута, чтобы корабль, прибывавший из Индии или Китая, не приносил обители дохода, исчислявшегося в тысячах динаров. Многие из муридов и дервишей шейха выпрашивали для себя „милостыню“ (садака). Просителю выдавалась ассигновка (берат) такого содержания: „Пусть тот, кто принял на себя обет шейху Абу-Исхаку, даст, в счет суммы обета, такую-то сумму такому-то лицу“. Серебряная печать с вырезанной монограммой шейха покрывалась красной краской, и оттиск ее накладывался на ассигновку. Бывали ассигновки на 1000, на 100 серебряных монет и на меньшие суммы, в зависимости от достоинства мурیدا. Владелец ассигновки являлся к давшему обет купцу и получал от него сумму, указанную в ассигновке, а на обороте документа писал расписку в получении.

¹ Там же, л. 157а.

² Там же, лл. 136б—137а. — Характеристику Мубаризеддина см. акад. А. Е. Крымский. Хафиз та його пісні. Киев, 1924, стр. 21.

³ Хафиз-и Аbru, цит. рукоп., л. 108а.

⁴ Этот шейх считался патроном города Казеруна. Персидский поэт Камаледдин Махмуд-и Хаджу Керманский сложил на гробнице шейха Абу-Исхака поэму „Раузат ал-анвар“ („Сад мистических озарений“) в 1342 г. н. э.

Однажды султан Индостана Мухаммед дал обет уплатить шейху Абу-Исхаку 10 тыс. динаров. Когда весть об этом дошла до обители, один из дервишей с ассигновкой съездил в Индию и вернулся с серебряными динарами в обитель.¹ В житии шейха Сефиедина Ардебилли также мы встречаем целую главу, заключающую рассказы о спасении, по молитвам шейха, купцов и путешественников от разных опасностей на море.²

Шейхи, так же как и сейиды, казии и факихи, проживая в городах, были связаны с торговлей в качестве мутаваллиев вакфных имуществ, на земле которых часто располагались ремесленные мастерские, лавки, караван-сарай и целые базары, приносившие вакфам определенный доход. Такая связь слишком хорошо известна, чтобы о ней стоило здесь говорить. По словам Хамдуллаха Казвина, в Ширазе общее число соборных и кварталных мечетей, ханакахов, медресэ и благотворительных учреждений (абваб-ал-хейр), созданных богатыми людьми и наделенных „бесчисленными вакфными имуществами“,³ превышало 500.⁴

Духовная и чиновная земско-городская знать была связана не только с местной торговлей, но и с транзитной караванной торговлей. Известно, что уртаки — члены мощных купеческих компаний, организаторы транзитной караванной торговли, нередко действовали как контрагенты султанов, падишахов, ханов и крупных владетельных феодалов: от последних уртаки получали определенные суммы деньгами, которые потом они возвращали вывозимыми из Индии, Китая, стран Запада товарами, столь нужными при феодальных дворах: шелковыми и парчевыми одеждами, доспехами и оружием, сукнами, фарфором, золотыми и серебряными изделиями, драгоценными камнями, художественными изделиями и т. д. При этом уртаки иногда сами проникали в ряды феодальной земско-городской знати, чиновной или духовной. В Средней Азии в XIII в. историкам хорошо известны такие фигуры купцов-уртаков, превратившихся в крупных феодалов, каковы Махмуд Ялавач, создавший целую династию гражданских правителей Мавераннахра и мн. др.⁵ В Хулагуидском улусе на рубеже XIII и XIV вв. прославился Таджеддин 'Али-шах Тебризи (носивший также нисбу Гиляни), сперва купец, потом управляющий государственными мастерскими (карханат) Ирака арабского, потом везир Ульджайту-хана и Абу-Са'ида Бахадур-хана и крупный феодал. Сын его Джелаледдин Тебризи переселился из Тебриза в Шираз, заняв видное положение среди местной знати; он заведывал строительными работами у владетеля Фарса Абу-Исхака Инджу.⁶

Не останавливаясь на этих слишком известных личностях, приведем пример из Ибн-Баттуты. Некий купец Первиз Казеруни, перс, был сперва купеческим старшиной („мелик ат-туджар“ — „князь купцов“, согласно обычной терминологии той эпохи) в Казеруне, потом разбогатев благодаря торговле с Индией, поступил на службу к султану Индостана Мухаммеду из династии Тоглукидов, стал его везиром и получил от него в ленное владение (икта') город Камбай, иными словами, превратился в феодала. Этот Первиз вызвал из Казеруна своего друга, купца Шихабеддина Казеруни, ко двору своего султана в Дехли. Султан дал Шиха-

¹ Ибн-Баттута, цит. изд., т. II, стр. 89—92.

² Манакиб-и шейх-и Сефий-и Ардебилли, цит. рукоп., л. 8, сл.; глава содержит, между прочим, рассказ о путешествии Пир-Исма'ила Серави в Индию.

³ موقوفات بیشمار

⁴ Нузхат ал-кулуб, цит. изд., стр. 115.

⁵ Об этих лицах подробно трактуется у: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 426, сл.; А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой, стр. 42 сл. В названных работах приведена и библиография.

⁶ Ибн-Баттута, цит. изд., т. II, стр. 72.

беддину 1 лак (100 тысяч) монет (не сказано, каких, — вероятно, динаров) по золотому курсу, предоставил ему три судна, предложил ему закупить в Индии какие угодно товары, запретив покупать эти товары другим купцам, пока Шихабеддин не приготовится к выезду. Шихабеддин, не боясь конкуренции, прибыл в Ормуз, выгодно продал там товары, разбогател и построил себе дом в Ормузе. Льготы, предоставленные декхийским султаном Шихабеддину, типичны для купца-уртака, торгующего не только от себя, но и по поручению своего государя, и наделенного, по сравнению с непривилегированными купцами, исключительными правами. Шихабеддину, впрочем, богатство не пошло впрок. Он разорился во время междуусобной войны ормузского владетеля (мелика) со своими племянниками. Ибн-Баттута встретил Шихабеддина в Ширазе, выпрашивавшего милостыню у владетеля Фарса Абу-Исхака Инджу.¹

Как сказано, обладатели вакфов, представители духовенства извлекали доход от расположенных на вакфной земле лавок и ремесленных мастерских; ремесленники, следовательно, оказывались в фактической зависимости от мутаваллиев (попечителей) вакфных имуществ. Не только духовные, но и светские представители феодальной знати приобретали подобные же права на эксплуатацию городских ремесленников как до, так и после монгольского завоевания. Характерный пример приводит армянский историк XIII в. Степанос Орбелиан, митрополит сиюнийский, сын феодального владетеля Сюнии Тарсаича. Атабек Кызыл-Арслан (1186—1191) из фамилии Ильдегизидов, правитель государства сельджукидов в западном Иране, пожаловал предку Степанноса Орбелиана, юноше Липариту, сыну Еликума Орбели, эмигрировавшего из Грузии в Сюнию (нынешний Зангезур), в наследственную собственность (иначе говоря, на правах милька), крепости Джухук и Каласра (Кал'а — Сарай?) и 30 лавок (или ремесленных мастерских) на главной улице города Нахчевана, свободных от налогового обложения в казну.²

Из эпохи монгольского владычества до нас также дошли примеры такого рода. Приведем один из них. По сообщению Вассафа, великий хан Хубилай-каан в 1262 г. велел произвести новую перепись населения города Бухары, причем местные жители (следовательно, и ремесленники) были разделены в качестве хассэ (-инджу, т. е. лично зависимых людей),³ между великим ханом (8 тысяч), Беркай-ханом золотоордынским, точнее, его наследниками (5 тысяч), и ханшей Союркуктени, матерью великого хана и его брата Хулагу-хана (3 тысячи).⁴

Не приходится сомневаться в том, что ремесленники „Рашидова квартала“ в Тебризе, или по крайней мере часть их, находилась в фактической зависимости от Рашидеддина.

Наряду с городскими ремесленниками, находившимися в фактической или юридической (люди инджу) феодальной зависимости от духовных и светских феодалов, в годы монгольского завоевания, много ремесленников в мусульманских странах было обращено в состояние пленников-

¹ Там же, стр. 244—248.

² Stephanos Orbelian. Histoire de la Sioune, traduite de l'arménien par M. Brosset, I livre, Spb., 1864, стр. 223.

³ О значении монгольского термина инджу и его арабо-перс. синонима хассэ — см. прим. Катрмера к его „Histoire des Mongols de la Perse“, t. I, стр. 130, note 12; см. также В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене авийской мечети Мануче, стр. 26—30.

⁴ Вассаф, изд. Хаммер — Пургштала, т. I, перс. текст, стр. 98, нем. пер., стр. 94. В. В. Бартольд (в неопубликованной последней главе своей монографии „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“) полагал, что в данном случае следует предполагать не жителей Бухары, а квартировавших там монгольских воинов; но текст не дает достаточных оснований для такого толкования.

рабов, подвергавшихся более или менее жесткой эксплуатации.¹ При этих условиях свободные ремесленники, объединенные в корпорации,² не могли играть в городах сколько-нибудь значительной общественной и политической роли, подобной роли ремесленников в западно-европейских городах позднего средневековья.³ Как самостоятельная политическая сила, ремесленники Ирана могли выступить лишь в период распада монгольского государства Хулагуидов, в период феодальных междоусобий и народных восстаний (1335—1380).

Таким образом, в фактической зависимости от духовной и чиновной знати находилось на разных основаниях значительное число горожан, в частности и ремесленников. Среди муридов суфийско-дервишеских шейхов, многие из которых, как сказано, занимали видное место в рядах городской знати, числилось всегда много купцов и ремесленников. В упомянутом житии Сефиеддина Ардебильского среди муридов шейха в Ардебиле упоминаются торговцы тканями (базазан),⁴ изготовитель шалей (шальбаф),⁵ мылоторговец (сабун форуш),⁶ ювелиры (зергеран),⁷ сапожники (музэдузан),⁸ башмачник (кефшдуз),⁹ ткач (джамэбаф),¹⁰ плотники,¹¹ кузнец,¹² сын старшины корпорации торговцев нефтью (кулуй-и нафт форуш),¹³ мастер-портной,¹⁴ хлебопеки (хаббазан),¹⁵ дубильщик (даббаг),¹⁶ копатели подземных каналов (кахризкенап),¹⁷ седельщик¹⁸ и многие другие ремесленники, в общем представители до тридцати отраслей ремесла. Все эти муриды находились в полном подчинении у шейха, готовы были выполнить любое его приказание или поручение; нередко они выполняли бесплатно те или иные работы для шейха, его фамилии и обители (ханаках). Однажды хлебопек Ахи Шадий-и Ардебил хаббаз, получив приказание шейха, явился в ханаках и два дня без перерыва был занят на кухне шейха — пек хлебы к празднику разговения после поста рамазана ('ид ал-фитр).¹⁹ Легко представить себе, насколько безграничная религиозная власть шейха над всей этой массой муридов из средних и низших слоев городского населения усиливала общественное влияние шейха.

Приведенные данные позволяют сделать некоторые выводы.

¹ Джувеини, цит. изд. т. I, стр. 140 (о нисапурских пленниках); Рашидеддин Джами'ат-таварих, рукоп. Инст. востоков. АН СССР, D-66, лл. 418а—419а (ярлык Газан-хана о ремесленниках-рабах в государственных мастерских — карханат в Иране); П л а н о К а р п и н и, История монголов. Пер. А. Малеина, СПб., 1911, стр. 32, 36—37.

² О ремесленных корпорациях в городах Ирана в XIII—XIV вв. см. у Исфизари, рукоп. Инст. вост. рукоп. УзССР, № 788, лл. 218а—219б (о хератских ткачах); и Б и - Б а т т у т а, цит. изд., т. II, стр. 45 (об исфаханских ремесленных корпорациях), 71 (о ширазских ремесленниках).

³ О зависимости большей части городских ремесленников от феодалов и городской знати в X—XI вв. говорит Б. Н. Заходер, цит. соч., стр. 77—78.

⁴ Манакиб-и-шейх-и Сефий-и Ардебил, цит. рукоп., лл. 15а, 157а, 169а, 199б.

⁵ Там же, л. 5а.

⁶ Там же, л. 205а.

⁷ Там же, лл. 3а, 169а, 184а, 201а.

⁸ Там же, лл. 226, 179б.

⁹ Там же, л. 122б.

¹⁰ Там же, л. 23а.

¹¹ Там же, лл. 32б, 131б.

¹² Там же, лл. 37а, 178а.

¹³ Там же, л. 130б.

¹⁴ Там же, л. 37а.

¹⁵ Там же, лл. 16а, 24а, 187а.

¹⁶ Там же, лл. 195а, 195б.

¹⁷ Там же, л. 7а.

¹⁸ Там же, л. 196б.

¹⁹ Там же, лл. 24б—25а.

1. Несмотря на грандиозные разрушения, падение численности населения и упадок производительных сил, монгольское завоевание не внесло коренных изменений в социальную структуру городов Ирана и сопредельных стран.

2. Городская знать при монгольском владычестве, как и в домонгольский период, состояла из гражданских чиновников, улемов, сейидов, дервишских шейхов и их потомков. Все они были феодальными землевладельцами, связанными также с торговлей и с верхами городского купечества. Одни и те же знатные фамилии стояли во главе города и сельского округа. Это была, таким образом, земско-городская знать.

Две другие группы класса феодалов — военная знать кочевых племен (монгольских, курдских и тюркских), владевшая также селениями и землями с прикрепленными к ним оседлыми крестьянами, и уцелевшие после монгольского завоевания остатки старинной оседлой землевладельческой иранской знати экономически отсталых районов, не связанные с государственной службой, — и при монгольском владычестве в общем стояли далеко от городской жизни.

3. Этнический состав земско-городской знати мало изменился после монгольского завоевания. В XIII—XIV вв., как и раньше, эта знать состояла почти исключительно из иранизованных арабов и иранцев — персов и таджиков. По крайней мере в некоторых городах (Казвин) и самый состав знатных фамилий почти не изменился. Монгольская и тюркская военно-кочевая знать за редкими исключениями, не переходила к оседлости, не оседала в городах и не сливалась с иранской земско-городской знатью. Это вполне понятно, ибо военная знать монгольских и тюркских племен в государствах, основанных монголами, предпочитала сохранять кочевой или полукочевой образ жизни, не переходя к оседлой жизни, ибо этот переход повел бы для нее к разрыву со своими кочевыми племенами и к утрате ряда привилегий, принадлежавших специально военно-кочевой знати.

4. Если в XIII—XIV вв. (вероятно, в значительной мере уже и в XI—XII вв.) в большей части Ирана (кроме экономически отсталых горных районов и прикаспийских областей) землевладельческая знать и городская служилая знать составляли одну и ту же социальную группу, одну из прослоек класса феодалов, то, следовательно, невозможно говорить о противоположности интересов земледельческой аристократии и верхушки городского населения в то время. Трудно поэтому согласиться с тезисом акад. В. В. Бартольда, что в XI—XIII вв. социальная история Ирана характеризуется „борьбой между деревней и городом“.¹ „Повидимому, — писал В. В. Бартольд, — мы в исмаилитском движении имеем соединение землевладельческой аристократии с сельскими массами против городов“.² В. В. Бартольд говорил о причинной связи исмаилитского движения с „успехами в XI в. городской жизни“.³ Социальной базой исмаилитского движения в Иране В. В. Бартольд считал „иранское рыцарство“, „владельцев замков“, т. е. старинных иранских землевладельцев-деханов. Но ведь эта группа класса феодалов уже в XI—XII вв. была отмирающей группой, уступавшей место новой чиновной знати, и не могла повести за собою всю деревню. Потому-то исмаилитам и удалось утвердиться лишь в отсталых горных районах, где и городов не было или почти не было: в горных трущобах Дейлема, в Кухистане, в Кух-Гилюй и других горных областях Фарса, в Средней Азии —

¹ В. В. Бартольд. К истории крестьянских движений в Персии. Сб. в честь Н. И. Кареева „Из далекого и близкого прошлого“, Пгр. — М., 1923, стр. 57.

² Там же, стр. 61.

³ Там же, стр. 60.

на Памире невозможно согласиться с тезисом, что главной политической целью исмаилитов была борьба с городами.

В. В. Бартольд находит аргумент в словах Хамдуллаха Казвини в „Нузхат ал-кулуб“ о некоторых средних и мелких городах и исмаилитских замках Фарса: „И разрушенное состояние тех городов, о которых мы говорили, произошло от жителей тех крепостей“.¹ Слова Хамдуллаха Казвини основаны на описании Фарса. — „Фарс-намэ“ ибн-ал-Балхи,² из рассказа которого видно, что исмаилиты и остатки старинного дехканства Фарса боролись не с городами, а с Сельджукским государством,³ следовательно, и с поддерживавшими сельджуков другими группами класса феодалов — военно-кочевой и служилой земско-городской знатью; при этом, как всегда, города страдали от военных действий. Так и исмаилитский владетель Аламута и Дейлема временами подчинял себе близлежащий Казвин, накладывал на жителей окрестностей Казвина барщину (ал-мусахира), но не видел в нем главного врага и не пытался разрушить его.⁴

6. В монгольскую (в значительной мере также и в сельджукскую) эпоху мы можем говорить не о конфликте города и деревни, а о борьбе служилых землевладельцев и городской верхушки, условно выражаясь, земско-городской знати, с одной стороны, и крестьянства и городских низов, — с другой. Такую классовую борьбу мы видим в мощном сербедарском движении 30—80-х годов XIV в. и в других подобных социальных движениях XIV в.

7. Помимо того, в монгольскую (в значительной мере также и в сельджукскую) эпоху существовал конфликт внутри класса феодалов — земско-городской (оседлой иранской и иранизованной) знати с военно-кочевой (монголо-тюркской) знатью; среди части последней, особенно при первых монгольских ханах, действительно сильна была тенденция, враждебная оседлой жизни и городам, оседлой ирано-мусульманской культуре и мусульманскому праву. Монгольские кочевые эмиры, например, решительно противились восстановлению в 1236 г. города Херата, разрушенного монголами в 1222 г.,⁵ а в 1270 г. добились от Абака-хана согласия на выселение всех без исключения жителей Херата и разорение этого большого города.⁶ Из Чингизидов ханы Чагатай и Гуйюк были наиболее яркими проводниками этой старо-монгольской кочевой тенденции.⁷ В Иране после реформ Газан-хана (1295—1304), благоприятных интересам иранской земско-городской знати и возрождению и процветанию городской жизни, при Абу-Са'иде Бахадур хане снова проявилось сопротивление монгольской военно-кочевой знати.

8. То обстоятельство, что в городе и в прилегающем сельском округе сохранили власть одни и те же сильные группы класса феодалов — земско-городская чиновная и духовная знать, подчинившие себе экономически, юридически или идеологически большие массы городских и сельских низов, — было, думается нам, одной из причин (конечно, не единственной)

¹ Нузхат-ал-кулуб, цит. изд., перс. текст, стр. 129—130; в этом издании текст несколько отличается от текста, цитированного В. В. Бартольдом по одной из рукописей.

² Ибн-ал-Балхи, Фарс-намэ, изд. перс. текста Г. Ле-Стренджа и Р. А. Никольсона, G. M. S., New Series, v. I, London, 1921, стр. 146.

³ Там же, стр. 146—148.

⁴ Мухаммед Несави, цит. изд., арабск. текст, стр. 196, франц. пер., стр. 327.

⁵ Исфизари, цит. рукоп., лл. 218а—218б.

⁶ Хафиз-и-Абру, цит. рукоп., л. 334а; город, однако, был снова заселен в 1275 г., см. там же, л. 345б.

⁷ См. у Джузджани, Табакат-и Насири, изд. Nassau Lees, перс. текст, стр. 397—398, 401—402; см. также любопытные подробности у Исфизари, цит. рукоп., лл. 214б—215а со ссылкой на „Китаб-и ахлак-и хани“, как на первоисточник; ср. также Джувейни, цит. изд., т. I, стр. 89—90.

причиной) того, что в Иране, как и во всей мусульманской Передней и Средней Азии, не развилось городское самоуправление, городское право и городские учреждения, подобные строю самоуправляющихся русских городов типа Новгорода, Пскова и городов-коммун в Западной Европе в позднее средневековье. В Иране XIII—XIV вв одна и та же социальная верхушка, одни и те же учреждения и власти, одно и то же право господствовали и в деревне, и в городе.

9. Эти специфические особенности развития средневекового города Ирана и сопредельных стран, наряду с другими экономическими и политическими факторами, рассмотрение которых не является целью настоящей статьи, были причиной того, что в средневековых городах Ирана не было тех гарантий неприкосновенности личности и имущества купцов, какие, по словам Фр. Энгельса, были необходимым условием буржуазного приобретения.¹ В средневековых городах Ирана не было в то время благоприятных условий для роста зачатков капиталистического производства, для формирования из городской верхушки класса буржуазии, для развития тех прогрессивных тенденций, которые могли бы подготовить падение феодальных производственных отношений.

---

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 22.